

Р. М.

О НАКАЗАНИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМУ ПЕТРА ВЕЛИКАГО, ВЪ СВЯЗИ СЪ РЕФОРМОЮ.

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Александра Филиппова,

приватъ-доцента ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульв.

1891.

05

✓

ПАМЯТИ ОТЦА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ о наказаніи, какъ по законодательству, такъ и по судебной нашей практикѣ XVIII вѣка, остается до сихъ поръ, въ общемъ, малоизслѣдованнымъ. Между тѣмъ, на нашъ взглядъ, нельзя отказать этому вопросу въ большомъ не только юридическомъ, но и обще-историческомъ интересѣ. Если историку права важно знать, поскольку юридическія нормы законодательства воспринимались обществомъ даннаго времени добровольно и поскольку на это воспріятіе оказывалъ вліяніе тотъ или иной элементъ принужденія, находящій себѣ мѣсто въ обще-карательныхъ мѣрахъ эпохи, то несомнѣнно, что *формы* этихъ мѣръ съ одной стороны, *содержаніе*—съ другой, бросаютъ яркій свѣтъ на общую культуру страны въ данное время и у даннаго народа. Въ нѣкоторыя историческія эпохи вопросъ объ этихъ карательныхъ мѣрахъ получаетъ особый интересъ благодаря еще тому, что законодатель пользуется *наказаніемъ*, какъ могучимъ средствомъ для проведенія въ общество своихъ взглядовъ на тѣ или иные вопросы жизни; общество, какъ живой организмъ, оказывается не всегда готовымъ идти безпрекословно туда, куда его призываютъ, и, наоборотъ, стоитъ за сохраненіе *своихъ* взглядовъ на жизнь... Происходитъ борьба, перѣдко сопровождающаяся мѣрами принужденія съ одной стороны, упорнымъ сопротивленіемъ—съ другой и т. д. Такую эпоху представляетъ время Петра В., когда вопросъ о наказаніи выходитъ изъ своей обычной колеи и является од-

нимъ изъ факторовъ реформы. Изученіе его получаетъ для такой эпохи, какъ намъ кажется, широкій интересъ, почему мы и рѣшились остановиться подробно на его изслѣдованіи... При этомъ считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о планѣ нашей работы.

Какъ ясно изъ самаго заглавія книги, она посвящается изслѣдованію вопроса о наказаніи *по законодательству* Петра В. Иначе говоря, мы изслѣдуемъ нормы наказанія лишь постольку, поскольку онѣ открываются изъ *самыхъ* законодательныхъ актовъ эпохи, не касаясь почти вопроса о томъ, *какъ* примѣнялись эти нормы на практикѣ. Последняя, несомнѣнно, видоизмѣняла нормы закона по своему, давая однѣмъ изъ нихъ болѣе широкое, а другимъ болѣе узкое и не всегда согласное съ буквою закона толкованіе. Такова судьба едва-ли не всѣхъ юридическихъ нормъ въ жизни, судьба особенно бросающаяся въ глаза, когда дѣло идетъ о столь важномъ *практически* вопросѣ, какъ наказаніе. Необходимо поэтому, изслѣдуя вопросъ о наказаніи по законодательству, имѣть въ виду его непосредственную связь съ тѣмъ-же вопросомъ на практикѣ. Насколько позволяли первоисточники, мы не упустили совершенно этой связи въ нашемъ изслѣдованіи, хотя и не задавались цѣлію изучить практику вопроса о наказаніи *особо*. Намъ казалось, что разъ въ литературѣ не сдѣлано общей попытки изучить вопросъ въ его *первой стадіи*, въ законодательныхъ опредѣленіяхъ, нельзя думать объ изученіи его въ практикѣ судовъ, тѣмъ болѣе, что для послѣдняго и не имѣется въ печати достаточно данныхъ. Какова-бы ни была судьба на практикѣ карательныхъ мѣръ законодательства, онѣ во всякомъ случаѣ заслуживаютъ изученія *сами по себѣ*, особенно у насъ, гдѣ законодательное воздѣйствіе сверху имѣетъ столь громадное значеніе еще и доселѣ, не говоря уже о такой эпохѣ, какъ эпоха Петра В., когда весьма многое опредѣлялось самою личностью законодателя...

Разъ задачею изслѣдованія являлось изученіе *законодательства* Петра В. о наказаніи, само изслѣдованіе, въ основной своей части, естественно, распалось на изученіе вопроса о наказаніи *по указамъ и по В. Уставу*, такъ какъ тотъ и другой первоисточникъ, содержащій начала наказанія эпохи, стоялъ особнякомъ другъ отъ друга—въ одномъ развивались начала *своего* права, въ другомъ проведены были начала *иноземныя*. Безъ преувеличенія можно сказать (какъ это ясно изъ данныхъ приводимыхъ нами во 2-й и 3-й части нашего изслѣдованія), что, поскольку дѣло идетъ о наказаніи, начала перваго стоятъ, въ общемъ, выше, чѣмъ начала втораго...

Изслѣдованію началъ наказанія, по законодательству эпохи, мы предпосылаемъ краткій *общій* очеркъ *основныхъ* началъ петровскаго законодательства. Это казалось намъ необходимымъ сдѣлать во 1-хъ потому, что нерѣдко между карательною и установительною частью законодательнаго движенія при Петрѣ В. чувствуется живое взаимодействіе, а во 2-хъ потому, что, при всемъ обилии и разнообразіи мѣръ принужденія въ законахъ эпохи, этими мѣрами не исчерпывалось, да и не могло исчерпываться, конечно, *все содержаніе* законодательства. Умолчать о послѣднемъ-только потому, что оно не всегда можетъ быть поставлено въ прямую связь съ вопросомъ о наказаніи, значило-бы, на нашъ взглядъ, нѣсколько односторонне изобразить эпоху. Чтобъ избѣжать, по возможности, этого, мы и предпосылаемъ нашему изслѣдованію о наказаніи, краткій очеркъ реформы въ ея общемъ и многостороннемъ развитіи...

Замѣтимъ еще слѣдующее. Въ первой части нашего изслѣдованія, мы старались вездѣ установить отношеніе *основныхъ* началъ законодательства Петра В. къ таковымъ-же началамъ до него и *послѣ* него. Къ сожалѣнію, этого метода нельзя было вполнѣ держать въ тѣхъ частяхъ изслѣдованія, которыя касались во-

проса о наказаніи. Здѣсь, устанавливая связь петровскаго законодательства съ дѣйствовавшимъ до него, мы не могли слѣдить за дальнѣйшею судьбою началъ наказанія, введенныхъ Петромъ В., такъ какъ эти начала послѣ Петра В., до конца XVIII вѣка, видоизмѣнялись, по преимуществу, путемъ отдѣльныхъ узаконеній (если не считать Наказа Екатерины II), изслѣдованія коихъ, въ общемъ, пока совсѣмъ почти не сдѣлано. Такъ какъ нашею цѣлію было лишь изученіе законодательства Петра В. о наказаніи, то особое изслѣдованіе массы узаконеній, являвшихся послѣ него, представлялось совершенно невозможнымъ...

ЧАСТЬ I.

Общій очеркъ основныхъ началъ петровскаго законодательства.

I.

Наше изслѣдованіе имѣетъ цѣлю изученіе законодательства Петра Великаго главнымъ образомъ по отношенію къ вопросу *о наказаніи*. Несомнѣнно, однако, что эта спеціальная цѣль изслѣдованія можетъ невольно наложить особый отпечатокъ на представленіе о самомъ этомъ законодательствѣ, если такому изслѣдованію не будетъ предпослано очерка, гдѣ реформа разсматривалась бы въ ея *общемъ* и многостороннемъ развитіи. Невѣрность освѣщенія богатаго матеріала законодательной работы эпохи, при подобной спеціальной задачѣ изслѣдованія, особенно возможна потому, что, изслѣдуя *начала наказанія*, приходится останавливаться лишь на тѣхъ актахъ законодательства, въ коихъ эти начала нашли себѣ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, наиболѣе яркое выраженіе. Однако, по самому существу дѣла, если не всегда, то довольно часто, эти акты созданы либо въ предвидѣніи борьбы, либо даже въ пылу ея; какъ таковыя, они, конечно, отражали жизнь очень односторонне, хотя и характерно. Довольствоваться *только ими* при изученіи эпохи—значить отказаться отъ попытки пониманія хода законодательства въ его мирномъ и постоянномъ теченіи. Несмотря на *боевой* характеръ эпохи, законы мирнаго свойства, гдѣ реформаторъ дѣйствовалъ не угрозами каръ, а культурными средствами, являлись въ изобиліи при Петрѣ В. Интересно отмѣтить ту характерную особенность ихъ, что они часто сопровождались откровеннымъ и подробнымъ *изложеньемъ* причинъ, кои заставили законодателя принять ту или иную

мѣру, ввести въ жизнь тотъ или иной принципъ. Эта мотивировка важнѣйшихъ мѣръ Петромъ В. ясно показываетъ, что онъ пытался привить ихъ къ жизни путемъ убѣжденія, путемъ сознательнаго, а не насильственного усвоенія того, что вводилось. По этому превосходство вводимаго надъ уничтожаемымъ перѣдко доказывалось (по крайней мѣрѣ—по мнѣнію законодателя) такъ, что «враждебнику»,—говоря словами «Правды воли Монаршей», оставалось соглашаться, что ему противъ новаго «не токмо... трудно, аки противъ рожна прати, но и устами зѣнути (т. е. рта разинуть) отнюдь (онъ) не можетъ»... ¹⁾ Правда, «толкая доводовъ сила» очень часто не оказывала вовсе желательнаго воздѣйствія на подданныхъ и послѣдніе оставались при своихъ прежнихъ взглядахъ на относительную цѣнность новаго и стараго, уничтожаемаго, такъ что Петру, чтобъ отстоять свое, приходилось затѣмъ прибѣгать уже къ мѣрамъ совсѣмъ инаго характера. Но уже одно это обращеніе къ сознательному, а не только пассивному повиновенію всему вводимому, само по себѣ заслуживаетъ вниманія, такъ какъ живописуетъ предъ нами воспитательную сторону реформы, борьбу за нее путемъ мирныхъ культурныхъ средствъ. Оставить совершенно безъ изученія эту сторону дѣла лишь потому только, что она не даетъ матеріала для спеціальной цѣли нашей работы—значило бы, по нашему убѣжденію, потерять многое для пониманія общаго духа законодательства эпохи.

¹⁾ Эти слова находятся въ концѣ „Правды воли Монаршей“, гдѣ Теофанъ Прокоповичъ, истощивъ всю силу своей эрудиціи и краснорѣчія, приходитъ къ убѣжденію что защищаемыя имъ положенія (относительно принципа „произволенія“ царствующаго Государа въ дѣлѣ назначенія наслѣдника престола) настолько неопровержимы, что лицо противоположнаго образа мыслей, „враждебникъ“,—какъ онъ выражается—„узрѣвъ бо толкую доводовъ силу и толкій свидѣтелей облакъ отъ естественнаго разума, отъ законовъ народныхъ, отъ примѣровъ историческихъ, еще же и отъ неложнаго слова Божія, не токмо видитъ, что трудно ему аки противъ рожна прати, но и устами зѣнути не можетъ“ (VII, № 4870, стр. 642). Теофанъ въ данномъ случаѣ жестоко ошибся:—вся „доводовъ сила“, потраченная имъ, никого не убѣдила и въ концѣ концовъ привела къ уничтоженію принципа усмотрѣнія въ дѣлѣ престолонаслѣдія.—Указанная цитата взята изъ VII тома I-го Полнаго Собранія Законовъ Р. Имперіи. Для удобства цитирования и въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ держаться той же системы ссылокъ на I. П. С. З.: въ скобкахъ будетъ указываться томъ собранія, № указа, страницы (въ обширныхъ узаконеніяхъ) и т. д., безъ особаго обозначенія самого памятника.

Чтобъ избѣжать этого—необходимо изслѣдованію о наказаніи предпослать общую характеристику важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ Петра В. съ точки зрѣнія тѣхъ основныхъ принциповъ, какіе въ нихъ были положены, остановившись болѣе подробно на тѣхъ изъ этихъ актовъ, кои имѣютъ наиболѣе близкое отношеніе къ нашему изслѣдованію. Извѣстенъ между этими актами рядъ такихъ, которые были встрѣчены обществомъ того времени отрицательно, возбудивъ противъ себя не только неудовольствіе, но даже и открытое сопротивленіе. На приведеніи въ исполненіе этихъ актовъ и развивалась правительственная практика принужденія, напедшая въ мѣрахъ наказанія орудіе, посредствомъ котораго то съ успѣхомъ, то мало или вовсе безуспѣшно, населеніе призывалось идти по пути, указанному реформаторомъ. Несомнѣнно, что законодательные акты этой категоріи заслуживаютъ преимущественнаго вниманія съ нашей стороны, такъ какъ именно защищая ихъ, реформаторъ пользовался наказаніемъ, какъ наиболѣе пригоднымъ средствомъ, чтобы сломить упорствующихъ, повліять на колеблющихся и т. д. Но, повторяемъ, для полноты очерка, мы коснемся здѣсь не однихъ только этихъ актовъ, а также и всѣхъ другихъ важнѣйшихъ. При этомъ считаемъ нужнымъ оговориться, что нашъ очеркъ будетъ представлять обзоръ этихъ актовъ преимущественно на основаніи матеріаловъ самой эпохи и коснется сравнительно меньше существующихъ литературныхъ характеристикъ и оцѣнокъ реформы Петра В. Литература эта такъ велика ²⁾, во взглядахъ ея главнѣйшихъ представителей еще такъ много спорнаго, что изученіе ея должно составить, по справедливости, предметъ особаго обширнаго изслѣдованія, которому не можетъ быть мѣста въ специальной работѣ, подобной нашей. Говорить же о реформѣ только со словъ однихъ историковъ, безъ особаго критическаго разбора и классификаціи ихъ мнѣній—значить повторять всѣмъ извѣстное. Поэтому мы и коснемся здѣсь этихъ мнѣній лишь по столько, по сколько они будутъ отвѣчать объясненію тѣхъ или иныхъ чисто фактическихъ данныхъ нашего очерка.

²⁾ См. Обширныя библіографическія указанія по данному вопросу въ прекрасномъ очеркѣ Е. Ф. Шмурло—„Петръ Великій въ русской литературѣ“ С.-Петербургъ 1889 г.

Петровская реформа, какъ извѣстно, не была реформою одностороннею, направленною на реорганизацію одной какой-либо области государственной или общественной жизни. Наоборотъ, одну изъ ея слабыхъ сторонъ представлялъ, можетъ быть, именно ея универсальный характеръ, благодаря которому *все* было такъ или иначе задѣто ею, хотя далеко не все перестроено по планамъ великаго Императора. Этотъ универсальный характеръ реформы, заставившій еще одного изъ ея современниковъ (Неплюева) сказать, что «на что въ Россіи не взгляни, все его (Петра) *началомъ имѣетъ* и чтобы впредь ни дѣлалось, отъ сего *источника* черпать будемъ»—дѣлаетъ необходимою извѣстную группировку мѣропріятій Петра В. Последнія касались либо тѣхъ или иныхъ сторонъ быта государственнаго, либо быта частнаго, гражданскаго. Въ области перваго реформа подняла и своеобразно разрѣшила вопросъ о престолонаслѣдіи, о реорганизаціи центральныхъ и мѣстныхъ учреждений, сословій, податной системы. Остановимся сначала на характеристикѣ мѣропріятій Петра В. въ области права государственнаго и прежде всего по отношенію къ вопросу о престолонаслѣдіи. Этотъ вопросъ представляетъ интересъ потому, что работа мысли, глубокое пониманіе историческихъ традицій было здѣсь не на сторонѣ всесильнаго законодателя, а на сторонѣ безсильно протестующихъ и гибнущихъ за свой протестъ простыхъ русскихъ людей. Личное чувство раздраженія противъ сына, внесенное въ вопросъ общегосударственной важности, помѣшало Петру В. видѣть всю опасность примѣненія принципа произволенія царствующаго государя къ избранію наслѣдника престола ³⁾. Неудовольствія подданныхъ противъ устава о наслѣдіи

³⁾ Этотъ принципъ, какъ извѣстно, утверждается уставомъ о престолонаслѣдіи 5 февр. 1722 г. въ слѣдующихъ выраженіяхъ; „чего для за благоразсудили мы сей уставъ учинить, дабы сіе *всегда* было *въ воли Правительствующаго Государя, кому оный хочеть, тому и опредѣлитъ наслѣдство*, и опредѣленному, видя какое непотребство *наки отмынитъ*, дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость какъ выше писано, имѣя сію узду на себя“ (VI, № 3893). Въ заключеніи устава сказано: „того ради повелѣваемъ, дабы всѣ наши вѣрные подданные, духовные и мірскіе безъ изъятія, сей нашъ уставъ передъ Богомъ и Его Евангеліемъ утвердили на томъ основаніи, что всякъ, кто сему будетъ противенъ, или иначе какъ толковать станетъ; *тотъ за измыслика, почитенъ, смертной казни и церковной клятвѣ подлежатъ* будетъ“.

при жизни Петра, и особенно смуты, порождавшіеся имъ, послѣ его смерти, во весь XVIII в., до изданія закона Императора Павла 5 апр. 1797 г., служатъ неоспоримымъ свидѣтельствомъ, какъ неудачна была попытка Петра, взамѣнъ исторически выработавшагося порядка престолонаслѣдія, поставить нѣчто иное. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности для уясненія сказаннаго. Извѣстно, что манифестомъ отъ 3 февраля 1718 г. Петръ В. устранилъ царевича Алексѣя отъ престолонаслѣдія ⁴⁾—«*сожалѣя о государствѣ своемъ и о вѣрныхъ подданныхъ, дабы отъ такого властителя, наипаче прежняго, въ худое состояніе не были (они) приведены...*» (V, № 3151). Лишеніе это состоялось «*властію отеческою, по которой, по правамъ государства нашего, (здѣсь имѣется въ виду уставъ 1714 г. о единонаслѣдіи) и каждый подданный нашъ сына своего наслѣдства лишитъ, и другому сыну, которому захочетъ, оное опредѣлитъ воленъ, и яко Самодержавный Государь, для пользы государственной, лишаемъ его сына своего Алексѣя, за тѣ вины и преступленія, наслѣдства по насъ престола нашего Всероссійскаго*». Несомнѣнно, что *de jure* Петръ Великій былъ вполне воленъ въ назначеніи себѣ преемника, такъ какъ не существовало никакого закона, который связывалъ бы его по отношенію къ этому назначенію; какъ самодержавный государь, онъ былъ вправѣ распоряжаться престоломъ, что и высказалъ въ этомъ манифестѣ (ссылка на гражданское право едва ли что-либо оправдывала, да и не была вовсе нужна въ данномъ случаѣ). Но уставъ о наслѣдіи 5 февраля 1722 г., гдѣ Императоръ между прочимъ напоминаетъ, «*какою авессаломскою злостью надмененъ былъ сынъ нашъ Алексѣй*», вскрываетъ предъ нами и другую сторону вопроса—именно *ту*, что въ данномъ случаѣ Императору пришлось считаться не съ однимъ правомъ, *но и съ обычаемъ* и этотъ-то обычай былъ противъ него по весьма разумнымъ и вѣскимъ основаніямъ. Народное сознаніе было за издавна сложившійся порядокъ наслѣдія по праву первородства, какъ за порядокъ простой и не вносящій смуты въ во-

⁴⁾ Фактическія данныя по дѣлу царевича Алексѣя см. у Соловьева—Исторія Россіи т. XVII, изд. 3, глава II; мы не будемъ касаться здѣсь ихъ, интересуясь вопросомъ лишь съ точки зрѣнія принципиальной.

прось столь первостепенной важности. Петръ В., вѣроятно, справедливо полагалъ, что «авессаломская злость» и «нераскаяніе» въ его сынѣ (не касаемся вопроса о томъ, насколько было основательно обвиненіе ц. Алексѣя въ томъ и другомъ) «не для чего инаго (т. е. не изъ чего инаго) у него *взросло, токмо отъ обычая стараго, что большому (т. е. старшему) сыну наслѣдство давали*; къ тому же одинъ онъ тогда мужска пола нашей фамиліи былъ, и для того, ни на какое отеческое наказаніе смотрѣть не хотѣлъ; сей *недобрый обычай* не знаю для чего такъ былъ затвержденъ: ибо не точію въ людяхъ по разсужденію умныхъ родителей бывали *отмѣны* ⁵⁾, но и въ святомъ писаніи (ихъ) видимъ (VI, № 3893). «Отмѣны», несомнѣнно, бывали, но «старый обычай» «такъ былъ затвержденъ» *недаромъ*—благодаря ему, вопросъ о престолонаслѣдіи рѣшался просто и опредѣленно, не дѣлаясь игрушкою въ рукахъ партій и не эксплуатируясь во вредъ народный. Какъ велико было сочувствіе народное къ этому «обычаю старому» видно уже изъ того, что Петръ В. принужденъ былъ не разъ объясняться подробно по поводу этой «отмѣны» (ман. 1718 г., уставъ 1722 г.), причемъ въ знаменитой «Правдѣ воли Монаршей» это объясненіе разрослось въ цѣлый ученый трактатъ, въ которомъ европейскіе «изряднѣйшіе законодатели», «экземпли»—«отъ исторій человѣческихъ», «отъ исторій священнаго писанія», доводы «отъ естественнаго разума, отъ законовъ народныхъ» и т. п. соревновали другъ съ другомъ, чтобъ убѣдить русскихъ людей въ превосходствѣ новаго порядка надъ старымъ и доказать, что «упрямому прекословцу ничтоже ино рцы остается, только нестерпимый студъ и жегомой совѣсти страданіе... (VII, стр. 643). Но «совѣсти страданіе», разъ человѣкъ не убѣждался «тоlikой доводовъ силою», наступали именно тогда, когда приходилось повиноваться тому, чему нельзя было повиноваться не только за страхъ, но и за совѣсть. Отъ подданныхъ требова-

⁵⁾ Изъ Русской Исторіи уставъ указываетъ такую «отмѣну»: „въ лѣто 7006. февраля въ 4 день Князь В. Иванъ Васильевичъ учинилъ по себѣ наслѣдника внука своего Князя Дмитрія Ивановича, и *отнынѣ былъ на Москвѣ...* а въ лѣто 7010 апрѣля въ 11 день В. Князь Иванъ Васильевичъ *разивался* на внука своего Кн. Дмитрія и *не велѣлъ его поминать въ церквахъ В. Княземъ* и посадилъ его за караулъ, и тогожъ апрѣля въ 14 день *учинилъ наслѣдникомъ сына своего Василія.*“

лась присяга новому порядку престолонаслѣдія—они повиновались, но, говоря словами Соловьева,—«въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказалось сопротивленіе. Раскольники толковали: «взялъ (царь) за себя Шведку и та царица дѣтей не родить, и онъ сдѣлалъ указъ, чтобъ за предбудущаго государя крестъ цѣловать и крестъ цѣлуютъ за Шведа, одноконечно, станетъ царствовать Шведъ». Монахи говорили: «видишь, государь выбираетъ на свое мѣсто нѣмчина, знамо къ царевнѣ, а внука своего сослалъ и никто про него не вѣдаетъ, а нынѣ прикладываютъ руки, *кого онъ*, государь, изволить выбрать». Тарскіе жители не пошли къ присягѣ; возмутилъ ихъ полковникъ Иванъ Нѣмчиновъ, казакъ Иванъ Подуша, Петръ Богачевъ, Дмитрій Вихоревъ, Василій Исецкій. Въ Тару для розыска пріѣхалъ изъ Тобольска полковникъ Батасовъ, въ Инструкціи котораго было сказано, чтобъ не ожесточать сопротивляющихся, не заставить ихъ разбѣжаться. Вслѣдствіе этого Батасовъ освободилъ Подушу изъ заключенія, отдавъ на поруки. Но кротость не помогла. Богачевъ, первый заводчикъ смуты, ушелъ, а Нѣмчиновъ съ 60-ю человѣками заперся въ хоромахъ; 49 человѣкъ онъ выпустилъ, а съ остальными *поджогъ подъ собою порохъ*, но не удачно; всѣ были взяты живые; Нѣмчиновъ и 4 человѣка, наиболѣе пострадавшіе отъ взрыва, умерли, но остальные выздоровѣли» (Ист. Россіи, XVIII, изд. 3, стр. 235). До насъ дошла въ высшей степени интересная надпись, сдѣланная нѣкимъ подъячимъ Докукинымъ на печатномъ «клятвенномъ обѣщаніи», которое всюду тогда раздавалось и въ которомъ подданные клялись «его царскаго величества опредѣленія (относительно лишенія престола ц. Алексѣя) *за правдивое признавать*» и «опредѣленнаго въ наслѣдство» царевича Петра Петровича ⁶⁾

⁶⁾ Какъ извѣстно, въ манифестѣ 1718 г. о лишеніи престола ц. Алексѣя, объявлялось о назначеніи наслѣдникомъ престола „другаго сына нашего, Петра, хотя еще и малолѣтна суща, ибо нпаго возрастнаго наслѣдника не имѣемъ“ (V, № 3151 стр. 538); въ уставѣ о наслѣдіи 5 февр. 1722 г. не говорится уже о какомъ-либо опредѣленномъ наслѣдникѣ, а только о принципѣ „воли Правительствующаго Государя“ (VI, № 3893). Это очень характерно для пониманія вопроса—значить Петръ В., начавъ съ лишенія неугоднаго ему лица престола (что еще понятно ввиду его отношенія къ сыну, боязни за судьбу реформы) т. е. съ того, чему бывали „экземпли“ въ древности, пошелъ затѣмъ далѣе и установилъ новый, съ точки зрѣнія обычая, принципъ наслѣдованія по произволению царствующаго государя вообще.

почитать «за истиннаго наслѣдника». Прочитавъ «обѣщаніе», Докукинъ написалъ на немъ слѣдующее: «Св. Пречестнымъ Евангелію и животворящему Христову Кресту поклоняюся и лобызая нынѣ и всегда за избавленіе моихъ грѣховъ и за охраненіе отъ тяжкихъ моихъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, а за *неповинное отлученіе и изгнаніе Всероссійскаго престола царскаго Богомъ хранимаго Государя Цесаревича Алексѣя Петровича* христіанскою совѣстью и судомъ Божиємъ и Пресвятымъ Евангеліемъ *не клянусь* и на томъ животворящаго креста Христова *не цѣлую* и собственною рукою *не подписуюсь*; еще къ тому и прилагаю малоизбранное отъ богословской книги Назіанзина могущимъ вняти свидѣтельство изрядное, *хотя за то и царскій гнѣвъ намъ произлѣется*, буди въ томъ воля Господа моего І. Христа, по воли его святой *за истину* азъ рабъ Христовъ Иларіонъ, по реклу Докукинъ, *страдати готовъ*... Затѣмъ 2 марта 1718 г. въ Воскресенье православія, Докукинъ отправился въ Преображенское, гдѣ, въ церкви и подалъ Петру В. вышеозначенное отрицаніе отъ клятвы; чрезъ 2 недѣли онъ былъ приговоренъ къ колесованію...⁷⁾ Нѣтъ нужды преувеличивать значеніе этихъ протестовъ, такъ трагически кончавшихся для приверженцевъ стараго порядка вещей, но нельзя не отмѣтить ихъ, какъ характернаго явленія времени, не разъ проявлявшагося по отношенію къ тѣмъ или инымъ мѣропріятіямъ Петра В...

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что изъ всѣхъ вопросовъ государственнаго права, поднимавшихся, а затѣмъ такъ или иначе разрѣшавшихся Петромъ В., вопросъ о престолонаслѣдіи былъ единственнымъ, въ коемъ замѣшалось и личное чувство, и особая торопливость въ постановкѣ и рѣшеніи. Изученіе другихъ свидѣтельствуетъ положительно о совершенно обратномъ—въ нихъ вездѣ чувствуется и всестороннее пониманіе нуждъ и интересовъ родной страны, и широкая государственная мысль, и горячее служеніе общему благу. Что это такъ, достаточно, хотя кратко, всмотрѣться въ тѣ основные принципы, какіе были положены великимъ Императоромъ въ переустройство государственныхъ учреждений; достаточно вспомнить, какую горькую подчасъ судьбу имѣ-

⁷⁾ „Раскольниковы дѣла XVIII столѣтія“—Г. Есипова, (т. I, Сиб. 1861, стр. 157 сл.)

ли эти принципы, когда эти учреждения попадали въ инныя, болѣе слабыя руки. Обратимся къ исторіи учрежденія Сената, Св. Синода и Коллегій, а затѣмъ и учреждений мѣстныхъ, чтобъ доказать вышесказанное. Что касается основнаго принципа, объединяющаго ихъ *всѣ*—то таковымъ былъ, какъ извѣстно, *принципъ коллегіальности*. Мотивы, по которымъ Петръ В. обратился отъ приказнаго начала управленія къ коллегіальному ⁸⁾, яснѣе всего показываютъ намъ, какъ глубоко въ немъ было желаніе обезпечить за государственными учреждениями и высокое достоинство и закономѣрное развитіе. Петръ В. хотѣлъ приучить всѣхъ къ соблюденію строгой законности въ управленіи и лучшимъ средствомъ для укрѣпленія этой законности,—какъ это подсказывалось ему изученіемъ западно-европейскихъ учреждений, считалъ *начало коллегіальное*, такъ какъ полагалъ, что оно отличается отъ *приказнаго* такими качествами, какія неизбѣжно приводятъ къ самымъ наилучшимъ результатамъ. Русская дѣйствительность далеко не оправдала этихъ надеждъ—впослѣдствіи очень разочаровались въ значеніи «*коллежскаго*» управленія, и готовы были видѣть въ немъ только недостатки ⁹⁾. Но въ этомъ уже не вина Петра В. и едва ли вина самого принципа. Оставляя поэтому въ сторонѣ пока *вопросъ*

⁸⁾ Какъ извѣстно, въ Духовномъ Регламентѣ подробно объяснены *„важныя вины“* (основанія) управленія коллегіальнаго. Въ краткомъ изложеніи они сводятся къ слѣдующему: „во 1-хъ бо *извѣстнѣе* *взыскуются истина* соборанымъ (соборнымъ) сословіемъ, нежели единымъ лицомъ“; „*яшше* (лучше) ко увѣренію и нововенію *преклоняетъ приговоръ соборный*, нежели единоличный указъ“; коллегіумъ не есть нѣкая факція (партія) тайнымъ на интересъ свой союзомъ сложившаяся, но на добро общее повелѣніемъ Самодержца и Его жъ съ прочими разсмотрѣніемъ соборанныя лица“; „еще же и сіе важно есть, что въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣль продолженіе и остановка за случающимися правителю необходимыми пуждами и за недугомъ и болѣзнію... Инако (бываетъ) въ правленіи соборномъ“... „но се наипаче полезно, что въ коллегіумѣ таковомъ не обрѣтается мѣста *пристрастію, коварству, лихоимному суду*“...; „коллегіумъ *свободнѣйшій духъ* въ себѣ имѣетъ къ правосудію: не тако бо, яко же единоличный правитель гнѣва сильныхъ боятся“... (VI, № 3718, 25 янв. 1721 г. стр. 316 сл.; другія „вины“ относятся до „духовнаго соборнаго правительства“ и потому мы ихъ здѣсь не приводимъ).

⁹⁾ Ср. описаніе коллегіальнаго управленія, сдѣланное гр. Минихомъ (приведено у Градовскаго „Высшая администрація“ изд., стр. 95) и записку гр. Сперанскаго „О государственныхъ учрежденіяхъ“ (Архивъ Ист.-практ. свѣдѣній Калачева 1859, кн. 3, стр. 41 сл.